



Символические формы репрезентации власти в культуре

Международная конференция 30 июня – 2 июля 2008 г.

Тезисы

Иванов Вячеслав Вс.

Символы власти на Древнем Востоке

1. В самых ранних письменных текстах Южной Месопотамии и Египта конца IV тыс. до н.э. можно еще видеть след времени, когда, как в подавляющем большинстве обществ разных континентов Третьего Мира, главный властитель (архетипический вождь, предполагаемый зоопсихологией для стай и стад высших млекопитающих за исключением антропоидов и гоминид) по сути отсутствовал, а была только исторически ему предшествовавшая символическая функция священного царя (см. подробно об этом в книгах А.Хокарта). Ее исполняет врач в австралийских обрядах и шаман в евразийских. При столкновениях племен рядом с этой символической религиозной функцией может возникать (генетически быть может не менее ранняя) военная- вождя-предводителя (т.е. две из трех функций Дюмезиля – древние).
2. Третья- хозяйственная функция формируется вместе с механизмом учета, хранения и распределения продуктов производящего хозяйства и ранним государством после неолитической революции. На раннем этапе живой царь в месопотамских и египетских текстах заручается поддержкой богов. Часть его функций (как в царской охоте, позднее отраженной и у малоазиатских и палестинских владык, чья традиция повлияла и на дренерусских князей) еще связана с обязанностями главного жреца при тотемизме. В гадательных текстах Древнего Китая царь-жрец представлен преимущественно в символической функции раннего типа, осложняемой началом астрологических знаний (анalogии находятся у майя и в других обществах доколумбовой Центральной Америки). Истолкование роли царя в хеттских гаданиях KIN может быть предложено на основе сравнения с этими традициями.
3. Экономические функции царя выявляются в системе феодальных отношений, восстановленных Палмером для микенского общества и совпадающих с недавно обнаруженными у анатолийских царей начала II тыс. до н.э. по данным староассирийских текстов из Каниша. На основании сравнения этих свидетельств можно восстановить роль царя в раннем индоевропейском феодализме на древневосточной индоевропейской прародине в V тыс. до н.э.
4. Из любопытных фактов последующего развития стоит отметить хеттский культ умерших царей: смерть царя описывается как его превращение в бога, скульптуры обожествляемых умерших царей составляют часть храмового инвентаря.
5. Символические знаки царской власти (как двуглавый орел, в Малой Азии сохраняемый до Византии и вместе с другими чертами византийского архаического обряда перенимаемый на Руси) оказываются очень устойчивыми. Соколиная охота, недавно исследованная в Древней Малой Азии, передается как один из элементов древней символической традиции в Италию и позднее в Восточную Европу (ср. также отражение в литературе). Древневосточная по происхождению терминология царствования у этрусков (ср. хаттско-этрусские параллели – хаттск. *zilal* «престол»- этр. *zilal/ zilc* «магистрат» в Кортонской Таблице и др.) приобретает интерес при изучении влияния этрусской традиции на римскую (этр. *cel-* «земля» с северо-восточно-кавказскими соответствиями лезгин. *D:il*,

табасаран. и агул. *žil*, лакск. *š:allu* «земля»- Starostin-Nikolaev, p. 342: **čHälu*; латин. *tellus* «земля»; связь этого латинского термина с этрусским была предположена еще М.Бреалем на основе сходства латин. *tellūmō* и этр. *lucumō* : Meillet- Ernout, p.679).

6. Хотя протоиндская письменность Мохенджо-Даро и Хараппы еще не дешифрована, не исключено, что эта культура не имела выраженного (несимвлического) властителя (чтение предполагаемых знаков в этом значении у Парполы остается спорным).
7. С антропологической стороны существенно нарушение запрета инцеста при династических браках, роль которого типологически подтверждается сравнением Дрениго Египта с Империей Инков. В этом плане может изучаться символика династий Европы, царские родословные, этническое происхождение царей и проблематика взаимодействия биологического и семиотического аспектов российской истории.

Абрамзон Т.Е. (Магнитогорск)

Российские манифесты «о кончине и о вступлении на престол»: культурные функции, инициальные формулы

1. Манифест «о кончине и о вступлении», кроме прямой *законодательной*, выполняет ряд других культурных функций. Он является узловым историческим мифом, завершающим одно и открывающим новое правление: документ высшей власти устанавливает границы восприятия как происшедшей смены правителя, так и будущего царствования (*мифологическая* функция). Манифестируемые интерпретации наследования российского престола затем варьируются в других текстах культуры (ораторской прозе, одической поэзии, сценариях фейерверков, сюжетах живописи и др.), также участвующих в создании и поддержании того или иного исторического мифа (*мифотворческая* функция).

2. Среди законодательных актов манифесты «о кончине и о вступлении на престол» обладают не только государственной значимостью (это есть сущностная черта любого манифеста): в момент смены власти эта значимость обретает *онтологический* характер. Понятие «смерть» вынесено в заглавие государственного документа («о кончине»), причем наличие данной категории подразумевается и в том случае, когда в названии и в тексте манифеста оно отсутствует (например, манифест 1762 года не содержит указания на кончину Петра III: его смерть исключена из исторического бытия – «Манифест. О вступлении на Престол Императрицы Екатерины II»). В контексте данных манифестов «вступление» замещает понятие «жизнь» (точнее, продолжение жизни государства) и образует культурную антиномию «кончина»/«вступление», синонимичную антиномии «смерть»/«жизнь» в государственном масштабе.

3. Манифест выполняет важную *инициальную* функцию: 1) информирует граждан о происшедших и происходящих событиях; 2) присваивает новый статус трем сторонам – умершему императору, сменившему его правителю и подданным. Объявление манифеста является одним из первых этапов в длинном ритуале инициации, в ряду похоронных и коронационных мероприятий.

4. Манифесты «о кончине о вступлении» XVIII века, в сравнении с другими законодательными документами, отличает *повышенная формульность*. Исторические события вписываются в готовую клишированную структуру манифеста: обращение («ведомо да будет всем»), объявление кончины («по воле Всемогущаго Бога» «в вечное блаженство отъиде», «любезнейший»/«любезнейшая»), объявление вступления («Божией милостью», «вступая на Всероссийский наследный Императорский престол»), приведение к присяге («всякаго чина люди, как духовнаго, так и воинскаго и гражданскаго», «учинить присягу»).

5. Формульность сама по себе выступает залогом постоянства, с ее помощью происходит преодоление смерти жизнью (*компенсаторная* функция). Постоянство формул создает иллюзию не просто повторяемости, непрерывности, но и неизменности исторического бытия: как прежде, так и ныне.

6. Особое значение имеют сакральная формула – «Божия милость». Эта формула предваряет собой название имени нового императора, впервые звучащее в новом статусе и также являющееся частью инициации. И помазание и коронация иницируют претендента на престол в императорский сан и освящают этот сан Божественной волей. Однако от смерти императора до коронационных мероприятий нового правителя проходило около двух, а то и более месяцев. Таким образом, первым посвящением в императорский чин можно считать формулу, открывающую манифест. Собственно, эта формула обозначает уже свершившийся ранее акт нисхождения «Божьей милости», акт небесного благоволения. Обозначенная как бы до самого манифеста «Божья милость» выступает, таким образом, главным и чуть ли не единственным основанием легитимности вступления на престол. Кроме того, формула «Божией милостью» возвращает священную силу всему государству, потерянную в момент смерти правителя.

6. Варианты формул, а иногда и отказ от них, сообщают не только о частностях исторического процесса (о деталях смены власти (например, формула обращения «всем верным сынам Отечества» в манифесте Екатерины Великой вместо традиционной «ведомо да будет всем»); об отношении одного монарха к другому (изъятие эпитета «любезнейшая» при определении «родительница» в манифесте Павла I), но и о развитии самой концепции престолонаследия – по «Божьей милости», по «воле Императорской», по «общему желанию и согласию всего российского народа», «по крови Царского колена».

Бадян Г.К. (Москва)

Социокультурная динамика образов власти в республике Армения на рубеже 20-21 веков (ретроспективный анализ)

Проблема эволюции образов власти на постсоветском пространстве занимает одно из ключевых мест в системе приоритетов современного социогуманитарного знания. Социокультурные процессы в Республике Армения могут рассматриваться двойственно: как «типичный случай» - иллюстрация издержек дефрагментации советской политической системы; и как автономная ментальная реальность, развивающаяся сообразно внутренним закономерностям. Современная общественно-политическая наука более склонна обращать внимание на международные (Карабахский кризис) или институционально-электоральные (президентские выборы и возникшее внутреннее противостояние) аспекты политической жизни Армении. За пределами остается не менее важная, на наш взгляд, сфера – социокультурные основания трансформации политического сознания граждан республики.

Образ власти в республике Армения – это проекция реальной политики на изначальные психологические установки. При этом сама структура образа продуцирует два конкурирующих императива: высокая степень персонализации власти в массовом сознании соседствует с представлениями о важности неформально-теневых институтов. «Клан» органически прилагается к политику. На первом этапе армянской государственности (1990 - 1998 гг.) власть-образ претерпела кардинальные изменения, прошла путь: альтернатива – надежда – разочарование. После прекращения «горячей фазы» карабахского конфликта произошло рационально-критическое переосмысление существовавшей социальной действительности. Рефлексия сразу же выявила не только некомпетентность правящей элиты, но, что более важно, кризис самих психологических основ национального развития. На повестке дня подспудно маячил риторический вопрос «А нужна ли нам власть вообще, если она – всегда зло?!» На подсознательном уровне отчетливо проявился процесс кристаллизации образа власти как монолитного перманентного негатива. Политики, пользовавшиеся в тот период популярностью (например, В.Саркисян), воспринимались не как лидеры-консолидаторы, а преимущественно в символическом ракурсе « «анти-власть - добро» VS власть – зло». Подобные тенденции наложили серьезный отпечаток на десятилетие правление

президента Р.Кочаряна. С каждым годом он все более оценивался не как «необходимая власть» (способная предотвратить дестабилизацию), а «наименьшее зло» по сравнению со своими оппонентами. Вместе с тем, подобного рода изменения невозможно рассматривать исключительно в свете социокультурной фрустрации. Важно заметить, что рационализация власти, ситуация при которой «лидер-расчет» меняет «лидера-эмоцию» - один из важных шагов синтеза целе-рационального политического менталитета. Можно сделать вывод, что социокультурная эволюция образа власти в республике Армения – многогранный процесс, демонстрирующий симбиоз как поверхностно-эмоциональных (разочарование), так и глубинно-психологических (рационализация, частичная деперсонализация) трансформаций политической культуры Армянской нации.

Болтунова Е.М. (Москва)

Из Петербурга в Москву: семантика движения и дискурс власти XVIII в.

Доклад посвящен рассмотрению ряда аспектов так называемого императорского церемониала путешествий XVIII в., который, являясь частью монархического ритуала как такового, был особым образом вписан в контекст легитимации власти. В XVIII столетии, в ситуации, когда при перенесении основного столичного центра в Санкт-Петербург, за Москвой сохранялся статус столичного города, передвижения императорского кортежа между указанными городами носило целый ряд характерных особенностей. Так, с одной стороны, перемещения такого рода не рассматривались в контексте взаимодействия центра и периферии и, как правило, не позиционировались исключительно как способ выстраивания отношений с местными элитами или реализация той или иной национальной или социальной политики монарха. С другой стороны, оформление самого церемониала движения между Петербургом и Москвой особенно во второй половине века способствовало как возникновению уникальных пространственных отношений как между городами, так и развитию самого понятия «центр».

Ивашкин С.Н., Панов С.В. (Москва)

Символическая анафания и власть дискурса (к ре-деконструкции метафизического символизма)

«Символические формы репрезентации власти» как тема и проект становятся тем более проблематичными, чем настойчивее напоминают о той исходной связи символа, репрезентации, формы и власти, которую метафизика не переставала мыслить в их изначальном единстве. Существо власти в Новое время как отношение господства и осуществления воли не мыслимо без сообразного представления о бытии человека как производстве аналогической дистанции и меры, именем которой и является символ. В антропологическом проекте исходное понимание символа как соприкосновения безучастного оказывается предано (не)преднамеренному забвению: эпифания смыслового тела как зияющей раны сводится к оформленной в границах рефлексии сценографии символической анафании – внеконцептуальной явленности идеи в сообразующем сопредставлении субъекта (Кант).

Одним из истоков этого антропологического проекта, несомненно, является та эпистемологическая складка в ренессансном гуманизме, впервые обозначившая производность мудрости (*sapientia*) от вкуса (*sapere*), вовсе не подразумевая под этим, как не перестает твердить учебная философия культуры, отстаивание пресловутой равноценности интеллектуальной интуиции, рационального концептуализирования и чувственной восприимчивости: вкус как сфера самочувствия чувствующего, всякий раз задающего меру чувствования, впервые становится сущностью мудрости – внятия бытию в его творении. Именно поэтому не возникает, а является результатом переинтерпретации классической мудрости представление о человеке как душевно-телесном единстве, единстве, впервые построенном на принципе сообразности восприятий идеям, сообразности «природы целям свободы» (Кант). Самочувствие вкуса и интереса стало деятельностью сопредставления *cogito*

у Декарта, который отнюдь не мыслит человека как двусоставное существо, телесный «корабль», управляемый духовной субстанцией. Человек в его жизненном целом – единство духа и тела, осмысляемое на основе «истинностной процедуры» подведения многообразного под единое, на основе временного синтеза субъекта. Декарт в знаменитом 6-м «Метафизическом размышлении» указывает на исток и возможность этого субъективного синтеза – фантом раны, неустранимая возможность заблуждения, которая характеризует сущность нововременной «чувственности», восприимчивости, способности воспринимать вещи тем способом, каким они воздействуют на нас.

Присвоение критерия различения фантома и реальности, иллюзии и истины - в основе метафизики представления, один из поворотов которой позволил Канту сформулировать и антропологическую идею, и идею культуры: сущность человека оказывается сведена к производству душевно-интеллектуальной субъективности как подлежащему подведению временной множественности к единству сопредставления, поэтому душа становится «органом внутреннего чувства», определенного внутренним созерцанием, отношением представлений во времени. Идея же культуры становится сообразностью созданного (factum) безусловным целям свободы. Мы видим, что уже у Гегеля антропологическая идея как производство субъективности выступает как знакопроизведение и обналичивание сущности в изображение и образ, т.е. воплощение идеальности души в телесности, понимаемой как «качественная определенность», чем, собственно говоря, она и остается в рамках так называемых гуманитарных наук. Антропологический проект – аналогическое производство субъективности, всякий раз устанавливающей меру дистанции представляющего и представляемого: если человек определен как означивание внутреннего, полагающее меру представимости представляемого, то и культура будет ничем иным, как символическим производством проективной связи бессвязного.

Символическая гипотипоза Канта – проективное подведение времени как возвращения к собственному несобственному нетождеству к тождеству образа в изображении является сутью спроецированного антропологией человека и его культуротворчества, что позволяет «применять правило рефлексии» об одном созерцании к другому предмету: «Так, монархическое государство можно представить как одушевленное тело, если оно управляется по внутренним народным законам, или же как машину (например, ручную мельницу), если оно управляется отдельной абсолютной волей...» (Кант И. Критика способности суждения. СПб., 2001, С.277). Мы видим, что рефлексивное представление все еще определено онтологической сообразностью «образа действия», оформляющей само предметное бытие. Символическая рефлексия Канта как неотчуждаемая способность связывать представления по аналогии, т.е. по «правилам образа действий», станет дискурсивной волей, во имя свое запретившей мыслить исток собственного насилия, превратившего символическое производство субъективности в аспектуальное производство логической формы, в сам раздел языкового аспекта (Витгенштейн) (поэтому «Бог не обнаруживает себя в мире» (Логико-философский трактат, 6.432)), либо в литературный абсолют воображения как воли к дообразному, в котором все связано и все бессвязно (Борхес. «Фунес, чудо памяти»).

Символическая власть представления проседает властью дискурса, о безвластии как условии возможности которого необходимо поставить вопрос. Время антропологии – возвращение к невозвратному, дающее шанс преодолеть саму проективность как внутреннего чувства, забывшего о временном разделе как условии возможности чувствования, так и символического производства культуры, в которой тело не было и больше не будет подчиненным основанием для означивания, а обнажит себя как рану раны в евхаристии смысла.

Ищук-Фадеева Н.И. (Тверь)

«Царская» литература и ее значение для русской культуры (Иван Грозный и Екатерина Великая)

Своеобычность русской литературы и культуры в целом обусловлена в том числе и поздним появлением авторства как феномена и литературы, понимаемой как изящная словесность. Рождение автора на Руси тоже было отмечено печатью необычности: среди первых имен оказывается имя царя Ивана Грозного, положившего начало столь своеобразному жанровому сочетанию, как публицистика в эпистолярной, и подобное начало авторской литературы не могло не повлиять на развитие всей русской литературы.

Не менее значимо и драматургическое наследие Екатерины II: решив «просвещать, играя», великая императрица стала, как это ни парадоксально, родоначальницей т.н. массовой литературы.

Коломиец И.А. (Киев)
Массовая культура, воспитание, власть

В докладе исследуются механизмы конструирования желаний и формирования мышления с помощью массовой культуры, а именно её практик воспитания – шлифовки (нравов) – фр. *polire* и дрессировки, укрощения, включения в некий порядок – гр. *polis* с помощью практик власти («полиции» – фр. *police*). По моему мнению, реальность, в которой мы живём – гиперреальность как пространство функционирования ничего не означающих знаков, знаков без означаемого – образовалась именно в результате исторического развития этих практик со времен Просвещения. Массовая культура оказывается проектом Просвещения, «фабрикой желаний» современного индивида.

Липатова А.П. (Ульяновск)
«Свидетельское показание» как акт власти: Право на текст и проблема точек зрения

В Государственном архиве Ульяновской области сохранилось «серия» дел Симбирской Духовной Консистории к. XIX – н. XX вв. «дознаний» о «якобы» явившихся иконах, в которых помещены рассказы тех, кто обрел икону. В результате проведенных расследований все повествования были признаны «фантазией», «молвой». Предмет анализа – попытка ответить на вопрос, почему рассказчики потерпели неудачу.

Рассказы о необычном происшествии (о явлении иконы) назовем «свидетельскими показаниями». «Свидетельские показания» – особый тип текстов, предполагающий наличие разных точек зрения (на текст): официальной (в данном случае – церковных властей) и неофициальной (крестьянской). Церковные власти и крестьяне ориентированы на разные концепты: рассказчики (носители традиционного сознания) повествуют о «событии», представители же церковных властей ориентированы на «факт» – на предание¹. Факты всегда истинны, событие лежит вне проблемы «истинность/ложность». Опираясь на «факт», представители церкви оценивают рассказы о явлении иконы как «слух». Дж. Остин противопоставляет «слухи» «свидетельским показаниям». Последние, чтобы не быть «слухом», должны являться перформативами². «Свидетельские показания» всегда порождают определенные действия: рассказ о явившейся иконе провоцирует почитание родника. Это свидетельствует о «перформативной» природе таких текстов. Перформатив, оказывая определенное воздействие на реальность, всегда представляет для нее опасность, которую и пытаются предотвратить представители церкви. Перформативы нельзя оценивать по критерию «истинно/ложно». Для них адекватен критерий «успешность/неуспешность»³. Церковные власти стараются не замечать в данных рассказах перформативную природу. Для них это

¹ О разграничении факта и события см.: Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999, с. 405.

² Остин Дж. Л. Слово как действие // НЗЛ. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986, с. 31 – 32.

³ Если на родник начинают приходить паломники, то можно говорить об «удачной коммуникации».

«слухи», а слухи – констативы⁴. Несмотря на то, что событие перформативного высказывания стоит за пределами проблемы «истинности/ложности», условно можно выявить тот предел, к которому стремятся «свидетельские показания». Перформатив «практически всегда истинен, <...> так как истинность он задает уже своим произнесением. В связи с этим невозможно ему приписать оценку “ложный”»⁵. Слух же наоборот есть «принципиально» ложная информация: «Центральной характеристикой слуха является ошибка. Слухи принято рассматривать как неправильные сообщения, или, по крайней мере, как такие, которые не проверены и, вероятно, фальшивы»⁶.

Разность «слухов» и «свидетельских показаний» «порождается» разностью точек зрения на произошедший случай (явление иконы). Церковные власти, расследующие дела о «якобы» явившихся иконах, определяет текст как «слух», подчеркивая «ошибочность», «фальшивость» сообщения. Крестьяне XIX века продуцируют тексты-перформативы, которые нельзя оценивать по критерию «истинно/ложно». Разные «коммуникативные ожидания и готовность понять текст в соответствии с этими ожиданиями»⁷ влекут за собой разное отношение к тому, как надо рассказывать о событии. «Свидетельские показания» перенасыщены деталями. Для носителей традиционной культуры это закономерно, поскольку «ненужная и случайная подробность – это главное средство создания иллюзии реальности»⁸. Официальные власти же видят в этом нарушение нормы, заданной преданием. Предание – всегда рассказ о факте (а не о событии), а «говоря о фактах, стремятся их “оголеть”»⁹. Чрезмерная детализация рассказа провоцирует сомнения церковных властей в его истинности: «Говорливость Б может быть непреднамеренной, и если А воспринимает ее как таковую, то он может засомневаться – так ли уж Б уверен в истинности р, как он утверждает»¹⁰.

«Свидетельские показания», будучи перформативами, существует только как акт власти: «Когда мы имеем дело с перформативными высказываниями, нам следует постоянно помнить, <...> условие правомочности лица, произносящего высказывание, в особых обстоятельствах, в которых высказывание осуществляется, - обязательно должно быть соблюдено»¹¹. Если же «высказывание не может стать актом из-за отсутствия у говорящего необходимой власти, оно является лишь речью; оно сводится к пустой болтовне, ребячьей шалости или оказывается проявлением безумия»¹². Поэтому «свидетельские показания» и помещают в разряд «слухов».

В рамках проводимого «дознания» происходит смешение концептов «факт» (ориентация на «речь») и «событие» (ориентация на действие, на «акт»). Носители народной точки зрения воспринимают происходящие как событие. Конечная цель «дознания» - зафиксировать (или опровергнуть) факт явления иконы. Пытаясь опровергнуть факт, церковная власть «разбивает событие вдребезги»¹³. Призыв к рассказчикам признать «ложность» своего заявления о явившейся иконе равен для рассказчиков «иллюктивному самоубийству»¹⁴. Событие нельзя считать ложным, также его «нельзя и не заметить»¹⁵.

⁴ «Главное отличие между перформативами и констативами <...> является то, что, если в отношении констативов мы можем установить их ложность или истинность, в отношении перформативов мы этого сделать не можем. К ним не применим критерий истинности или ложности» (Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976, с. 209).

⁵ Почепцов Г.Г. (мл.). Коммуникативные аспекты семантики. Киев, 1987, с. 74.

⁶ Шибутани Т. Импровизированные новости: социологическое исследование слухов // Почепцов Г.Г. Паблик рилейшнз, или как успешно управлять общественным мнением. М., 1998, с. 336.

⁷ Чистов К.В. Поэтика славянского фольклорного текста. Коммуникативный аспект // Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция. М., 2005, с. 161.

⁸ Женетт Ж. Работы по поэтике. Фигуры. Т. 2. М., 1998, с. 183.

⁹ Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999, с. 516.

¹⁰ См. о нарушении «постулата Количества»: Грайс Г.П. Логика речевого общения // НЗЛ. Вып. 16.

Лингвистическая прагматика. М., 1985, с. 230.

¹¹ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 307.

¹² Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 307.

¹³ Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999, с. 517.

¹⁴ Вендлер З. Иллюктивное самоубийство // НЗЛ. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985, с. 238 – 251.

Проводящие «дознание» терпят неудачу: доказав ложность факта явления иконы, они не могут лишить происходящее статуса события. Поэтому на «якобы» святые родники продолжают приходить верующие.

Макаров В.С. (Казань)
«Величественная ветвь имперского ствола»: Принц Генри Стюарт
и репрезентации политической власти в Британии 1594-1612.

Короткая жизнь Генри Фредерика Стюарта (1594-1612), принца Уэльского, старшего сына короля Иакова I (VI), поставила его в ряд наиболее популярных и часто упоминаемых персоналий своей эпохи.

Сам факт появления в Англии неоспариваемого наследника престола, возобновления множества символов, связанных с ритуализированной фигурой Принца Уэльского (первого за предыдущие 50 лет), стал значительным элементом политической теории Иакова (сразу же после его воцарения в Лондоне издается написанный еще в Шотландии «Царский дар» - трактат о королевской власти в форме письма к принцу). В политической мифологии «короля-миротворца», создаваемой самим Иаковом и вокруг него, важное место занимает идея «естественной» передачи власти, восстановления «библейского» патриархального характера монархии. Неслучайна частая метафоризация Стюартов как благочестивых библейских царей (Иаков – английский Соломон) или патриархов (Генри – «посох Иакова» (Быт. 32:10, тж. средневековый астрономо-геодезический инструмент).

Принц становится важным участником публичных ритуалов власти – торжественных процессий, приемов, активно вовлекается в патронатную политику, становясь к 1611 вторым по частоте адресатом посвящений после короля. Такое положение принца дает возможность в панегирических обращениях к нему формулировать разновекторные представления о политическом будущем Британии. Постепенно вновь активизирующаяся группа придворных-сторонников «протестантского крестового похода» обращается к Генри как будущему организатору и продолжателю «священной войны», новому Генриху V и Генриху VIII, усмирителю Франции и Испании. Такие разнородные обращения к будущему королю становятся частью балансировки политического тела Британии, в котором различные группы влияния соревнуются, стремясь стать ближе всего к будущему королю и отражать «свет высшей власти», передавая его дальше, как лучи светила или огонь от одного факела к другому. Противоречия друг другу, эти тексты могут выступать как скрыто субверсивные по отношению к политической мифологии Иакова.

Неожиданная смерть Генри осенью 1612, положив конец всем этим надеждам, вызвала огромное количество откликов, в основном в жанре погребальной элегии. В этих текстах сложно переплетаются условно-литературные и политические дискурсы. Уже то, что большинство этих произведений были напечатаны, говорит о переносе политического дискурса из элитарного в массовый характер, из круга двора, королевской администрации и университетов в складывающуюся в Англии «публичную сферу». Через несколько лет обстоятельства смерти принца Генри, наряду с придворными скандалами 1614-15 гг., начинают подпитывать зарождающуюся новостную культуру и политику скандала.

В докладе анализируются прижизненные и посмертные репрезентации принца Генри в поэтических и прозаических текстах 1590х-1610х (*Lacrymae Lacrymarum* Дж. Сильвестра и др., *Anniversaries* Д. Прайса, *The Period of Mourning* Г. Пичема, *A Monumental Columne* Д. Уэбстера,

¹⁵ Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999, с. 509.

Rex Platonicus И. Уэйка, *A Paean Triumphant* М. Дрейтона, *Londons Loue to the Royal Prince* Э. Манди и др.).

Марков А.В. (Москва)
Символический ореол власти в трудах Досифея Иерусалимского

В докладе рассматриваются труды Досифея Иерусалимского (1641-1707, патриарх Иерусалимский с 1669), представляющие собой своеобразный синтез историографической и риторической традиции. В них символическая репрезентация власти представлена весьма ярко, впервые в греческой традиции властными полномочиями церковный лидер наделяет сам себя. Основным способом репрезентации собственной значимости оказывается обращение к иконописным канонам как к изображениям идеальных моделей человеческих отношений, при этом сюжеты поневоле подвергаются радикальному и необратимому переосмыслению. Также символическая репрезентация включает в себе повышения статуса соборов, топос триумфального шествия, изображение церковной структуры как сословно-представительной, приоритет проповеднического слова над реально достигнутым согласием, символика времени, связанная с суточным кругом богослужения. В целом можно наблюдать влияние в трудах Досифея европейских социально-политических идей, усвоенных не столько из теоретических сочинений, сколько из дипломатической практики того времени.

Мартынов М.Ю. (Чебоксары)

**Репрезентация дисциплинарной власти
в пространстве литературного текста**

Цель: Репрезентация функционирования механизма дисциплинарной власти в пространстве литературного текста.

Задачи: Выявить сущность дисциплинарной власти. Осуществить деконструкцию новеллы Ф. Кафки «В исправительной колонии», повестей В. Маканина («Стол, покрытый сукном и с графином посередине») и В. Набокова («Приглашение на казнь») и выяснить, как в пространстве литературного текста отражены принципы дисциплинарной власти (и, прежде всего, принцип паноптизма или всеподнадзорности).

Гипотеза: Философская интуиция В. Маканина, В. Набокова, Ф. Кафки и др. позволяет обнаружить саму суть дисциплинарной «всеподнадзорности» как основного принципа дисциплинарной власти.

Обозначенный в художественных текстах конфликт между неповторимостью человеческого бытия и объективирующей социальной санкцией, опыт его обсуждения и решения в литературе имеет определенную эвристическую ценность. Данный опыт может быть использован при осмыслении реальных проблем современного «дисциплинарного общества».

Михайлин В.Ю., Решетникова Е.С. (Саратов)

**Слабость короля – мудрость короля:
механика властных отношений в «Изгнании сыновей Уснеха».**

В докладе будет проанализирована ирландская скела «Изгнание сыновей Уснеха», непревзойденная по степени компрессии сюжетного и символического материала. Сквозь традиционную для индоевропейской сюжетики историю о любовном треугольнике (в данном случае Конхобар – Дейрдре – Найси) просвечивает совершенно иная тематика и проблематика: за внешней сюжетной канвой лежит сюжет об умении короля манипулировать людьми и ситуациями так, что даже очевидный проигрыш в действительности оборачивается для него стратегическим выигрышем.

Рассказчик с самого начала выдвигает на первый план женский персонаж: именно Дейрдре является мотором действия, вокруг нее начинает разворачиваться сюжет. Король Конхобар остается в тени, предстает как самый незаметный участник: его имя не упоминается в предсказаниях, он практически никогда не действует напрямую и не показан в действии. У него другая роль: он является организатором происходящих событий.

Так, Конхобар выстраивает ключевую для скелы ситуацию с избиением сыновей Уснеха: при этом он тонко играет на допустимых и недопустимых для ее участников ситуативных возможностях, заключая их поведение в определенные ситуативные рамки и организуя тем самым выгодную для себя конфигурацию кодовых смыслов. Конхобар пользуется неоднозначностью конкретного ситуативного элемента, который может быть «считан» двумя разными способами. Абсолютно репрезентативным с точки зрения демонстрации властных возможностей короля является финальный эпизод, где король проговаривает ситуацию на коде, сводя ее к символической формуле. Именно это символическое дискурсивное удвоение наличной ситуации (но не сама ситуация!) и приводит Дейрдре – решившую было стать хозяйкой своей судьбы – к самоубийству.

Преимущество интерситуативности, позволяющее выходить за рамки чисто сюжетных ситуаций, судя по всему, доступно только трем участникам ситуации рассказывания: рассказчику, слушателю и одному-единственному фиктивному персонажу, Конхобару – и он в полной мере использует это преимущество, которое вообще является стандартной характеристикой властителя в индоевропейской архаической традиции. Анализ семантики и прагматики данного сюжета позволяет выйти на широкие типологические параллели с другими европейскими сюжетами о так называемом «слабом короле» (Финн, Марк, Агамемнон, Менелай и т.д.).».

Мягкова Е.М. (Москва)
«Театр власти» в I Империи
(история создания одного административного центра на Западе Франции)

18 января 1800 г. завершилась «третья вандейская война». Наступившее перемирие оказалось не только самым длительным, но и наиболее плодотворным. Парадоксальная, на первый взгляд, лояльность роялистского департамента к Наполеону имеют вместе с тем весьма объяснимое происхождение.

Целый комплекс мер Консулата и I Империи, полностью реорганизовавших отсталый регион, оказался недостаточным для окончательного умиротворения Вандеи. Главное препятствие здесь – отсутствие хорошо отлаженной административной системы. Так появились идея создания нового департаментского центра (на месте бывшего поселка Ла Рош-сюр-Йон). Первоначальная карта города (1804) свидетельствует не только о его функциональном назначении, но и *сознательном* создании образной системы, обеспечивавшей «присутствие власти» там, где физическое нахождение ее носителей не могло быть обеспечено. Стараясь распространить как можно более выгодные о себе представления, Империя не жалела усилий. Проект, рассчитывавший разместить 15 тыс. жителей, поражал воображение: главные центры западных земель Франции почти никогда не превышали 6-

тысяного рубежа. Грандиозный замысел получил громкое имя своего основателя, сердцем Вандеи стал Наполеонград.

Великая и страдающая Вандея привлекала Наполеона. В мае 1804 г. первый консул дал обещание представителям департамента посетить легендарные места в надежде увидеть реальные плоды политики умиротворения и, образно говоря, закрепить достигнутое личным визитом. Случай представился только в 1808 г. Однако, несмотря на титанические усилия местной администрации, берега реки Йон все еще напоминали большую стройку, где все было начато, но ничего не было закончено. Жалкие глинобитные постройки, временные бараки, отсутствие интеллектуальной элиты и культурных традиций являлись лишь жалкой пародией на смелые замыслы архитекторов. Искренний гнев императора неопровержимо доказывал, что победа над «идеей Бурбонов» находилась для него не только в сфере политики и полей сражений, но и в умелом использовании механизмов государственного патернализма. Впрочем, удивительная простота обмена ритуальной помпезности, исключительно благоприятный момент (политика Бонапарта уже дала первые плоды, но еще не обнаружила негативных сторон) способствовали успешному завершению начатого процесса. Это была логическая и своевременная, красочная и наглядная точка в оформлении «наполеоновского мифа».

Новожеев Р.В. (Брянск)

**«И посадиша на отнем и деднем столе...»:
пространство древнерусского политического ритуала**

В докладе рассматривается теория политического ритуала средневековья, культурно-историческая семантика ритуала и историческая реконструкция политических ритуалов домонгольской Руси – посадки на стол, инвеституры, пострига княжичей, заключения межкняжеских договоров.

Панчук А.А. (Вологда)

Культ личности в советском оперном театре

Объектом данного исследования явилась художественная жизнь СССР в 1930-1950 г., представленная через призму деятельности певцов Большого театра. Нами выявлены причины формирования номенклатурной элиты, обоснована искусствоведческая дефиниция «культ певца», рассмотрены судьбы отдельных исполнителей.

ГАБТ в указанный период становится лидером репертуарной и постановочной политики, «придворным» оперным театром, поэтому нами отдельно заявлены новые функции советского театра как политической сцены (места проведения партийных мероприятий) и «кузнецы» эталонных образцов идеологически востребованного искусства.

Пашенко И.В. (Ростов-на-Дону)

**Становление и развитие категории «государь» как важнейшего правового
концепта русского средневекового правосознания**

В современный период развития Российского государства духовно-мировоззренческим и познавательным императивом становится необходимость нового видения политических, культурных реалий реформирующегося российского социума, важнейшим компонентом которого выступает потребность глубинного переосмысления правовых механизмов регуляции общественной жизни, одним из наиболее значительных

компонентов которой, является правосознание. Основным же сущностным компонентом феномена правосознания является система правовых категорий.

Анализ категориальных первооснов правосознания предполагает изучение их эволюции, динамики, обращения к истории. Для отечественного правосознания XIII-XVI вв. определяющими категориальными структурами являлись - «благословить», «пожаловать», «вера», «правда», «господин», «раб». Именно они определяли культурные отношения и взаимосвязи русского средневекового общества.

Объективно перемены в положении московского князя как внутри русских земель, так и в отношении с Ордой, а, следовательно, и перемены в категориальной сущности правосознания, в своем концентрированном виде, нашли выражение в его официальном титуловании. Если царский титул Дмитрия Донского есть лишь претензия на новый статус, никем не признанная и ничем не закреплённая, то, появившееся в докончании тяжбы Василия Дмитриевича с дядей Владимиром Андреевичем титулование – «господин великий князь» - официально закрепило за ним высшую ступеньку во властной структуре средневековой Руси. Такая категория как «господин» наделяется такими смыслами как хозяин, владелец, властитель.

Царь, в понятиях Святой Руси, - помазанник Божий, священное лицо, представитель Бога на земле, самодержец, стоящий над всеми сословиями, издающий законы и следящий за их исполнением, вольный казнить и миловать своих подданных. Слово «царь» означает главного начальника, верховного правителя, вождя, повелителя, властителя страны или народа, государя, монарха. Имя это в Священном Писании употребляется и в сакральном смысле, и в смысле земном, человеческом. Это означает всецелую полноту и безграничное величие власти. Такая власть принадлежит единому Богу. Бог называется царем, как творец и высочайший властитель, правитель и промыслитель мира и рода человеческого, коему все всецело принадлежит.

В XV – XVI вв. происходит становление Русского централизованного государства. В основании социальной регуляции становится «власть – онтологически истинная субстанция, проявляющая себя как воплощенная воля. Сакральная власть порождает право, но оно носит чисто инструментальный характер, направлено сверху вниз, причем источник права – Власть – находится вне и над правом»¹. Русский государь воспринял идею восточного абсолютизма, согласно которой государственный порядок является отражением порядка небесного, земной владыка является носителем божественных функций, что он есть единственное существо, могущее карать или миловать, жизнь и смерть людей в его руках, он, как Бог, несет спасение поданным, с которыми он связан не правовой, а чисто нравственной связью. Отношение верховной власти и подданных начинает определяться двумя важнейшими категориями: «холоп», «господин».

В это же время наибольшую значимость для мыслителей принимает понятие самодержавия - «как единства государственной власти, ее верховенство, но не неограниченность власти царя»². «Принцип единого самодержавия, в смысле образования и дальнейшего развития единого и централизованного государства как наилучшей формы государственного устройства, не подвергался сомнению. Хотя реализация самодержавия в смысле «самовластия» или «самоволия» жестоко осуждалась.

Противоположное отмеченному, представление, постулирующее неограниченную власть монарха, возникло в результате трансформации и даже деформации русского средневекового правосознания. Это деформация ярко воплотилась в политико-правовой доктрине Ивана Грозного.

Петрова А.А. (Москва)

¹ Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. М.;1997г. – с. 175.

² Галперин Г.Б. Форма правления единого Российского государства в русской политической мысли XV-XVI вв. // Вестник ЛГУ. Экономика. Философия. Право. 1971 г., вып. 2, с.108

Образы и фигуры власти в русской частушке: политика и эротика

Русская частушка, будучи по природе своей и происхождению жанром любовным и женским по преимуществу, склонна рассматривать политическую историю сквозь призму жанрово-эротическую. Так, представители властей, мужчины по преимуществу, зачастую «остраиваются» и дискредитируются частушкой именно через призму эротического, – здесь налицо совмещение любовной и дразнильной фольклорной стратегии – *Тетья Надя шутки ради, Ильичу давала сзади*; у Хрущева на известном месте кукурузина и т.д. Напротив, эротическое зачастую эфемизируется при помощи политического и/или экономического: в решающий любовный момент *падает доллар, рубль хилый, доллар квелый* и т.п. Т.о., бытовое-политическое и любовное-эротическое сосуществуют в жанре частушки, репрезентируя народные образы власти в традиционной поэтической форме.

Полтавцева Н.Г. (Москва)

Проблема властного доминирования в творчестве Андрея Платонова

В докладе предполагается рассмотреть проблему властного доминирования в творчестве известного советского писателя Андрея Платонова, рассмотрев при этом такие аспекты темы, как «власть и революция», «утопия и идеология», «человек и государство», «человек и природа».

При этом основным аспектом внимания является платоновская антропология с ее неизменным интересом к проблеме «человека природного» и «человека социального».

Сахно И.М. (Москва)

Тело и власть: стратегии репрезентации в современном искусстве

В центре внимания автора - проблема интерпретации телесных трансформаций в контексте преодоления постмодернистской концепции «властного дискурса». Телесные артикуляции постмодернистского письма сегодня исчерпали свои возможности. В культуре и искусстве утверждается новый стиль телесного письма, когда автор, по словам Ж. Делеза и Ф. Гваттари, становится врачом и больным цивилизации одновременно. Новые художественные проекты, порожденные современной «прото-эпохой», артикулируют новые смыслы - налицо перекодировка знаков и реинтерпретация прежних символов. В обстановке тотального информационного мусора современный художник ищет новые пути перераспределения и присвоения власти. Постмодернистская реконструкция человека в современной культуре обнаруживает сегодня исчерпанность материала как такового. «Нулевой» порог смысла, за которым чистое ничто, мотивирует поиск нового пространства самовыражения. В обстановке тотального кризиса постмодернизма заявили о себе новые авторские стратегии репрезентации телесности в актуальных художественных практиках. Стратегия первая: хирургические практики и новая диагностика. Тотальное насилие над телом в проекте Орлан «Африканские самогибридизации». Стратегия вторая: «постполитическая и метасексуальная» телесность. Проект группы «АЕС+Ф» «Телесное пространство». Стратегия третья: гендерные трансформации – метафизика пола. Эрос-Тонатос Яна Саудека. «Телесные раны» Ивана Пинкава. Стратегия четвертая – виртуальное тело. Сетевые проекты (А.Великанов, А.Шульгин, О.Лялина).

Семенов-Басин И.В. (Москва)

Церковная канонизация правителя: культ Николая II и символизм советской эпохи

Церковная канонизация – включение в календарь святых – верховного правителя связана с формированием символический образ власти. В XX веке события социальной революции в России, казнь последнего императора породили локальную традицию почитания Николая II в качестве мученика. Этот частный культ, кроме всего прочего, вобрал в себя элементы фольклорной религиозности и вождизм, характерный для Белого движения. В церковных определениях Русской церкви за границей 1967 г. и 1970 г. культ Николая II был противопоставлен советскому секулярному «культу» Ленина. Канонизация царя соборами Русской церкви за границей (1981 г.) и Московского патриархата (2000 г.), продолжившая старинную восточно-ромейскую традицию сакрализации преемников императора Константина, сопровождалась жёсткой полемикой. Казнь царя Николая II нередко воспринималась в качестве искупительного деяния, так что образ царя оказывался подвержен своего рода инфляции. Автор доклада ставит вопрос: есть ли в почитании Николая II реминисценции культов вождей и героев, значимый для советского культурного сознания? В новых верующих, сравнительно недавно переживших обращение, умирает сегодня «советский человек», причём в ситуации личностного кризиса образы советской эпохи не получают адекватной манифестации. Хотя «культ» Ленина и оставил ментальную конфигурацию, способную проявляться в представлениях о верховных правителях, почитание царя-мученика по отношению к нему всё же исполняет защитную функцию. В традиционном обществе монарх был не только сакральной фигурой в рационально постижимом пространстве политической жизни, но также и выражал «направляющий центр» души человека («самость» в терминологии Карла Г. Юнга). В постсоветском обществе почитание царя, молитва к нему, наконец, его церковное прославление соответствуют обновлению психического архетипа «направляющего центра». Последний, выполняя защитную и терапевтическую функцию, становится защитной преградой между индивидуумом и образами советской эпохи, причём последние лишаются своей избыточной энергии. Кроме того, символическая защитная преграда закрывает человека от неприглядной реальности постсоветской России, вбирая сложный комплекс переживаний по поводу кризиса СССР, становления новой экономической реальности, понижения статуса традиционных религий в условиях глобализации. В такой перспективе более понятными становятся аргументы сторонников и противников канонизации Николая II. Накал страстей, сопутствовавший дискуссии о канонизации Николая II и его семейства в 1990-е годы, объясняется сложным эмоционально-аффективным переходом символов в человеческом сознании.

Титов В.В. (Москва)

Социокультурные образы власти в политическом сознании современной российской молодежи

Проблема образов власти в сознании российской молодежи является одним из актуальных направлений отечественной науки. Стереотипы молодежного сознания – не только локальный фрагмент российской социокультурной панорамы, но и психологический фундамент эволюции общества в будущем.

Данный доклад частично иллюстрирует результаты исследовательского проекта «Символы российской национально-государственной идентичности» (в котором автор выступал в роли федерального координатора). Метод исследования – фокусированное интервью. Выборка исследования -130 молодых россиян (73 девушки, 57 молодых людей) в возрасте 18-30 лет, представляющих 14 регионов России. Сроки проведения: февраль-март 2008 года. Эмпирически выявленный критерий – уровень абстракции по отношению к текущему политическому процессу.

В результате проведенного анализа результатов и последующей их критериальной формализации, автор считает возможным выделить четыре социокультурных кластера, отражающих перцептивные проекции власти в сознании российской молодежи.

- 1) **«Персоналисты»** (47%) характеризуются конкретно-антропоморфными представлениями о власти. Образ власти для данной группы – политические деятели настоящего и прошлого: «Путин» (33%), «Сталин», «Сурков», «Чубайс», «Медведев» и т.д. К персоналистам примыкает специфический субкластер-микс **«номиналисты»**, для представителей которого характерен смешанный подход: сочетание персонализации и категоризации («олигархи», «силовики», «губернаторы»)
- 2) **«Абстракционисты»** (20%) характеризуют власть посредством функции: «сила», «коррупция», «руководство», «решение всех вопросов», «принятие решений», «мощь государства», «политика», «защита интересов страны», «деньги», «порядок», «капитал». «богатство», «влияние», «воля народа», «отсутствие контроля», «беспредел», «воровство». При более детальном рассмотрении возможно выделение субсегмента – **«абстракционисты-негативисты»**.
- 3) **«Символисты»** (14%). **«Формальные символисты»** определяют власть через символы («скипетр», «держава», «орел», «Кремль», «шапка Мономаха»). **«Неформальные (девиантные) символисты»** анонсируют иные образы: «Нефтяная вышка», «Доллар», «Российские леса и степи», «Медведь», «Труба» (нефтяная)».

«Институционалисты» (19%) конструируют образ власти через представления, так или иначе связанные с деятельностью общественно-политических и правовых институтов: «закон», «конституция», «президент», «Дума», «выборы», «граждане», «свободные выборы», «правительство и министры».

Можно заметить, что основными механизмами продуцирования образов власти в сознании российской молодежи выступают: 1) персонализация и объективация («одушевление» власти, её заключение в материальную оболочку); 2) абстрагирование и категоризация (власть отождествляется с исключительно группами-носителями); 3) сублимация и негативный перенос («власть виновата, что вокруг зло, значит, она сама – зло!»); 4) стереотипия и фрагментарные реминисценции (искаженное воспроизводство исторических сюжетов и устоявшихся исторических мифологем).

Успенский Ф.Б. (Москва)

Перспективы описания языка родовых имен в династиях средневековой Европы (на примере Древней Руси и Скандинавии)

Проблематика выбора имени в эпоху Средневековья предельно тесно связана с проблематикой наследственных прав, стратегией власти, политической борьбой. Имена, которые даются членам династии, могут служить тончайшим индикатором для определения актуальности тех или иных внутрдинастических и международных связей на разных этапах жизни правящего рода. В то же время принципы выбора имен, сохраняющиеся из поколения в поколение, обеспечивают единство разросшейся династии и стабильность ее властных привилегий. Выбор имени воплощает в себе своеобразную концентрированную историю княжеского рода, а отчасти и концентрированную историю страны, где этот род правил.

Хархун В.П. (Киев)

Ленин как тоталитарный Христос (на материале украинской поэзии)

В статье исследуется механизм моделирования и функционирования образа Ленина как тоталитарного Христа. Специфику ленинианы как тоталитарного евангелия рассмотрено через анализ трех языковых действий: рассказа как

модуса сотворения, описания как модуса наполнения и разговора как модуса откровения. В статье также исследуется новая иконография с выразительными христологическими коннотациями, в которой выделяются символический, исторический та идеалистический этапы моделирования образа Ленина. Ключевые слова: тоталитарный Христос, евангелие, географическая лениниана, тоталитарная иконография.

Черная Л.А. (Москва)

«Российский лев» в символике петровского времени

1. Лев как символ царственной власти принадлежит западной культуре, в то время как орел в государственной символике связан с восточной культурой (Византия, Россия). В переходный период от Средневековья к Новому времени в России четко проявляется усиление интереса к западной символике власти: львы украшают подножие трона Ивана Грозного в Успенском соборе Московского кремля; белокаменные львы на лестнице Грановитой палаты в Кремле; белокаменные львы со звуковым эффектом («рыкающие») украшали парадные въездные ворота в царских загородных усадьбах Алексея Михайловича (Коломенское, Преображенское) и др.
2. В петровской время этот интерес к западной символике власти был скорректирован Северной войной со Швецией, символом которой стал «шведский лев». В противовес ему в русской литературе возникает «российский лев», который должен победить. Мною был обнаружен в РГАДА черновой автограф концовки пьес «Царство мира» и «Торжество мира православного» 1704 г., где в заключительной анаграмме, посвященной Петру Алексеевичу, противопоставлялись «Российский» и «Шведский» львы и утверждалось, что первый «сотрет зубы» второму.

Штейнер Е.С. (Лондон)

Политические фигуры как герои древности, герои древности как куртизанки: образы власти в японской гравюре 19 века

В докладе демонстрируются и анализируются принципы изображения злободневных событий и государственных лидеров в массовой графической продукции второй половины периода Эдо (конец 18- сер. 19 вв.) в Японии. Жестко регламентированные официальные предписания военного режима Токугава, запрещавшие всякое обращение к современным сюжетам и фигурам власти (не только в изобразительном искусстве, но и в театре Кабуки и литературе), породило многоступенчатые механизмы референции к запретным темам и лицам. Изображение иногда сводилось к сатирической карикатуре субверсивного характера, но чаще представляло собой многослойную картину культурного перекодирования, подразумевавшего систему отсылок в историческом, национальном и гендерном плане.

Якушева Л.А. (Вологда)

Типовой социальный опыт советского человека на примере очереди

Советская очередь, на наш взгляд, является показательным социальным феноменом, в котором отражаются исторические, этнические, психологические особенности как «фундаментальной» культурной традиции, так и практика повседневного быта советского человека. Следовательно, рассмотрение очереди в эссенциалистском и экзистенциальном аспекте представляется важной исследовательской задачей для усвоения опыта прошлого,

«которое» толкует нас», предъявляя манипулятивные технологии, сценарные практики ритуального поведения, символические идеологемы.

Нами предложена презентация культурологической модели очереди (основные характеристики, хронотоп, институциональные признаки), ее обоснование как сетевой структуры, игнорирующей социальную иерархичность, а также художественная интерпретация данного феномена, представленная в произведениях В.Распутина, В. Маканина, А. Соколовой.

Patricia Nebenzahl (Manchester)

Faces of Power: Portraits of Parisian Avant-garde art dealers in the first quarter of the twentieth century

Once an observation was made that Ambroise Vollard was portrayed by various artists during his lifetime more than any beautiful woman or a statesman. He was a pioneering marchand de tableaux who dealt in artists from the Impressionists to the School of Paris and was instrumental in the promotion of many of them – from his "discovery" of Cezanne to his lifelong association with Picasso. But he was simply the best-known representative of a whole group, which included other entrepreneurial dealers such as Berthe Weill, Daniel-Henry Kahnweiler, Leopold Zborovsky, Wilhelm Udhe and others.

This paper discusses the role of this new art world phenomenon: the emergence, in early twentieth century, of the figure of the independent dealer who supported the new avant-garde artists by creating a marketing network for them – and thus served as the necessary link between the unknown rebels and critics, collectors as well as the general public.

This analysis of a gallery of pictorial representations of prominent Parisian dealers, which, for the first time ever, is brought together as a group in this paper, sheds new light on the mechanics of power in the formation of the canon of modern art.

The emphasis is made on B. Weill, who was the first to sell Picasso and exhibit Matisse.